

Белорусский поэт с берегов Волги

Заметки из путешествия по российским адресам Максима Богдановича

Максим Богданович... Что мы знаем о нем? Классик белорусской литературы, поэт, прозаик, публицист, литературовед, переводчик. Все это правильно. Однако уникальность личности М. Богдановича еще и в том, что он, волею судьбы оторванный от родной Беларуси, смог проникнуться ее историей и культурой и, живя в России, самостоятельно выучил белорусский язык, чтобы создавать на нем литературные произведения, признанные потомками непревзойденными поэтическими шедеврами...

Подробнее узнать о том, как проходило творческое становление нашего национального классика, удалось благодаря организованной при поддержке Постоянного Комитета Союзного государства поездке в Нижний Новгород и Ярославль – российские города, где Максим Богданович провел большую часть своей жизни.

В Нижнем Новгороде

Расположенный за полторы тысячи километров от Беларуси Нижний Новгород в прошлом считался торговой столицей России. Этот город на берегах Оки и Волги вошел в жизнь Максима еще в раннем детстве. Именно нижегородская социокультурная атмосфера оказала огромное влияние на формирование мировоззрения и развитие поэтического дара будущего белорусского классика.

В Нижний Новгород Богдановичи приехали в 1896 году. Максиму тогда было неполных пять лет. Отцу поэта, в то время служащему отделения Крестьянского поземельного банка в Гродно, в конце октября поступило предложение перевестись на службу в однотипный банк в Нижний Новгород, и он решил им незамедлительно воспользоваться. К такому решению Адама Егоровича, безусловно, подтолкнула и смерть жены Марии Афанасьевны – матери Максима. Она умерла в возрасте 27 лет от туберкулеза легких – практически неизлечимой в конце XIX века инфекционной болезни, оставив своего супруга вдовцом с четырь-

мя детьми – сыновьями Вадимом, Максимом, Львом и дочкой Ниной, которой было всего несколько месяцев от роду. По мнению главы семейства, смена места жительства должна была помочь предать забвению произошедшую трагедию, и в первую очередь малолетним сыновьям.

И хоть отъезд был внезапным и в какой-то мере даже скоропалительным, А. Богданович, как человек деловой и прагматичный, все же позаботился о протекции для своей семьи в далеком незнакомом городе. В Нижний Новгород он приехал с письмом к молодому журналисту и писателю Максиму Горькому от знакомого беллетриста Евгения Чирикова, в котором последний просил будущего «буревестника революции» оказать всяческое содействие его протеже. И Горький откликнулся: помочь обустроиться и обжиться. Позже Адам Егорович вспоминал, что Алексей Максимович радушно и сердечно встретил гостя: «Вы белорус?.. Вот это хорошо!.. Я много бродил по Руси, всматривался... А вот Белоруссии совсем не знаю...».

Практически с той встречи М. Горький и А. Богданович стали друзьями. «Первое

Максим Богданович.
1909 год. Архивное фото

знакомство, показавшее много общего в наших воззрениях, интересах и прошлых переживаниях, как-то сразу пробудило взаимные симпатии, которые вскоре перешли в приятельство, а затем и в прочную дружбу», – писал Адам Егорович. Прежде всего их объединял интерес к литературе, любовь к книге. А о том, насколько тесной была эта дружба, пожалуй, говорит тот факт, что в январе 1897 года А. Богданович был единственным, кто провожал Горького в Крым на лечение. По возвращении писателя их отношения возобновились, Адам Егорович стал частым гостем в семье Пешковых. Летом 1898-го он познакомился с Александрой Павловной Волжиной, сестрой жены Горького, и через полгода породнился с писателем – они стали свояками.

Взаимоотношения великого русского писателя М. Горького и А. Богдановича, которому, как известно, также не было чуждо творчество, – отдельный и довольно многогранный эпизод в истории семьи белорусского классика. Многие аспекты жизни Богдановичей в городе на Волге раскрывают материалы экспозиций расположенных в Нижнем Новгороде учреждений Государственного музея А.М. Горького. Его директор Людмила Моторина готова была прийти нам на помощь. Но по счастливому стечению обстоятельств в тот день удалось дозвониться до Максима Бараховича – удивительной эрудиции человека, главного в этом городе хранителя памяти о Максиме Богдановиче, к тому же внучатого племянника белорусского поэта. Максим Аркадьевич и стал нашим гидом по нижегородским адресам своего знаменитого родственника.

– Богдановичи в Нижнем Новгороде снимали квартиру сначала на улице Грузинской, – рассказывает М. Барахович. – Затем на Канатной, где прошли детские годы Максима. Это была окраина города, за Канатной уже начинались многочисленные овраги. Улица, застроенная деревянными домами, утопала в садах. Позднее Адам Егорович в своих воспоминаниях под названием «Материалы к биографии Максима Адамовича Богдановича» напишет, что «в Нижнем продол-

жался тот же образ жизни, что и в Гродно. Почти ежедневно я брал детей с собой на прогулку в сады, летом на Волгу, на берега Оки или за город, в рощу и поля, обращая их внимание на разные явления в живой природе... Затем я брал по очереди детей с собою в поездки на осмотры и оценки земель, иногда продолжительные (район моих поездок охватывал в то время Нижегородскую и Владимирскую губернии), чтобы ознакомить их с жизнью деревни, уездных захолустий и с жизнью фабричных и заводских центров, и с памятниками старины, и с красивыми местами на Волге... В Нижнем, в Москве и в других городах я их водил в картинные галереи и музеи. Словом, в деле воспитания я исходил из жизни, из живых непосредственных наблюдений, а не из книг, а книги должны были систематизировать и привести в порядок, осмыслить то, что давала жизнь».

Однако, по словам рассказчика, жизнь семьи Богдановичей в Нижнем Новгороде была не такой уж безоблачной, как может показаться из этих строк воспоминаний отца поэта. Сразу по приезде в город Адам Егорович столкнулся с проблемой присмотра за детьми. «Вскоре по приезде в Нижний в 1897 г. с Максимом случилась еще маленькая катастрофа: он отсек себе зубами кончик языка. Бегал,

▲ Здание бывшей Нижегородской губернской гимназии, где учился М. Богданович, и мемориальная доска в честь поэта

КСТАТИ

Не все знакомые и родственники М. Богдановича понимали его произведения на белорусском языке. Тогда поэт создал рукописный сборник поэзии «Зеленя», куда включил 19 переводов своих же стихов на русский язык и три стихотворения, написанные по-русски – «Смех и говор», «Прочтите с участием правдивую эту» и «Сонет».

Первая публикация
М. Богдановича в газете
«Наша ніва». 1906 год

по обыкновению что-то напел, крича и смеясь, поскользнулся и, упав, стукнулся бородой об пол: кончик языка повис на каемочке сбоку. Полон рот крови. Я повез его к хирургу Михалкину. Промыв рот, он стал пришивать болтающийся кончик... Стежок за стежком, и кончик пристал к основанию. Ни звука, ни стопа. Михалкин даже удивился такой выносливости: «Молодец! – невольно вскрикнул он. – Привозите через неделю швы снять». Привожу через неделю: чисто. Кончик прирос, а нитку он съел», – так описывал А. Богданович случившуюся с Максимом неурядицу. А в начале февраля 1897-го произошла настоящая трагедия: внезапно умерла полугодовалая дочь Нина. Адам Егорович в экстренном порядке вынужден был вызвать себе на подмогу младшую незамужнюю сестру Марию, которая и приглядывала за племянниками до тех пор, пока ее брат не женился во второй раз.

Но на этом злоключения семьи не закончились: в ноябре 1899 года от осложнений во время родов умирает молодая жена А. Богдановича Александра Павловна. После этого новорожденного сводного брата поэта Александра забирают к себе на воспитание М. Горький и его жена Екатерина Павловна. В том же году у восьмилетнего Максима и его братьев появилась, скажем так, новая мачеха. «По смерти моей второй жены... тяжелый труд заменить дважды осиротелым детям мать взяла на себя Александра Афанасьевна, их родная тетка по матери, – читаем у А. Богдановича. – Впрочем, на ней лежал чисто внешний надзор за детьми, особенно во время моих частых поездок... на осмотры и оценки земель, воспитание и обучение их лежало полностью на мне...» Фактически у Адама Егоровича и Александры Афанасьевны сложились несколько щекотливые отношения – они довольно быстро стали жить в гражданском браке, который тогда совсем не поощрялся обществом. Не одобрял, к слову, сожительство отца и повзрослевший Максим, с мачехой-теткой общался неприязненно, называл ее только по имени и держался на расстоянии.

– Первоначальное образование будущий поэт получил дома, – вводит нас далее в курс нижегородской биографии своего знаменитого тезки и родича М. Барахович. – Конечно же, этому содействовал отец, но и не только он. Так сложилось, что в Нижнем Новгороде Богдановичи жили своеобразной белорусской колонией: вслед за Марией в город на Волге переехала и средняя сестра Магдалина, обе обзавелись здесь семьями. Замужние сестры поддерживали постоянные контакты с братом и его семьей, гостили в доме у Адама Егоровича, вместе отмечали народные и религиозные праздники. Именно от своих теток по отцу будущий поэт постоянно слышал белорусскую речь, купальские, колядные, масленичные песни в их исполнении.

Вот что об этом писал А. Богданович: «И дома, и у теток он слышал рассказы и воспоминания про родную старину, где выныряли разные лица и события, своеобразные, загадочные, так непохожие на все окружающее. Здесь же он слышал и белорусскую сказку, и белорусскую песню с ее грустным, манящим напевом, полным глубокого неисчерпаемого чувства, здесь же вырывалась живая белорусская пословица, меткие «крылатые» слова. Это, конечно, были крупницы, крохи, но он чутко их подбирал, схватывая на лету... Эта семейная атмосфера, очевидно, была той росой, которая освежала и пробуждала к жизни поэтические ростки его души... Дело началось с чтения белорусских сказок, которые сначала я сам читал детям вслух, а затем Максим начал их читать самостоятельно. Он увидел в этом средство научиться белорусской речи... Это решение было его личным делом, совершенно самостоятельным. От сказок он перешел к песням, загадкам, пословицам и пр., таская из моей библиотеки книжку за книжкой. И так дошел до художественных произведений Дунина-Марцинкевича, Бурачка и др., отрывки из которых я иногда декламировал в кругу родственников и знакомых. Его занятия белорусской шли совершенно незаметно для меня и окружающих; по

КСТАТИ

Максим обычно писал и читал только лежа. Сводный младший брат поэта Павел вспоминал: «Памятаю, у яго вельмі многа ішло паперы на чарнавікі. Напіша адзін варыянт, не спадабаецца яму, дык ён бярэцца за другі...».

крайней мере, я его не толкнул на эту дорогу, но, разумеется, и не мешал...»

В 1902 году Максим поступил в Нижегородскую губернскую гимназию, где уже учился его старший брат Вадим. И хоть с учебной у него не всегда складывались отношения (несмотря на то, что директор гимназии Сергей Щербаков был другом отца, в четвертом классе из-за неудовлетворительных оценок по латинскому и французскому языкам и алгебре мальчика оставили на повторный курс), любовь к белорусской культуре и языку у будущего поэта не угасала. Да и, образно говоря, масла в костер подлила крестная Максима Ольга Семина, заведующая народным училищем в Пинске. Как-то проводывая крестника, она поразила его настойчивости в изучении белорусского языка и, чтобы поддержать мальчика, стала выписывать ему в Нижний Новгород газету «Наша доля», а затем и ее преемницу «Нашу ніву».

Это еще больше окрылило юного Максима на творчество по-белорусски. Вскоре он осмеливается послать в редакцию ставшей любимой газеты один из своих рассказов, который под названием «Музыка» появился в «Нашей ніве» 6 июля 1907 года. Это легенда о музыканте, который «многа хадзіў... па зямлі ды ўсё граў на скрыпцы». Необычные были его скрипка и музыка. Когда плакала скрипка в руках музыканта, то каждый «плакаў бы па сваёй долі», когда грозно гудели струны, «людзі падымалі апушчаныя голавы, і гневам вялікім блішчалі іх вочы». За его музыку «злыя і сільныя людзі» бросили музыканта в тюрьму, где тот и умер. Но не умерла память о нем: «з-памеж таго народу, катораму ён калісь граў, выйдучь дзесяткі новых музыкаў і граннем сваім будучь будзіць людзей к свету, праўдзе, брацтву і свабодзе...». В этом аллегорическом произведении молодой автор рассказывает о многострадальной судьбе Беларуси и выражает надежду на перемены к лучшему.

Сотрудникам газеты рассказ понравился, но никто из них не догадывался, что написал его гимназист. В своих воспоминаниях отец поэта ошибочно иден-

▲ Волга в Нижнем Новгороде

тифицирует первую публикацию сына, называя ее стихами. Но сути это не меняет – Максим был безгранично счастлив видеть свое имя и фамилию на газетной полосе. «Ясно помню его радость в лице и сверкавшие живым огоньком глаза, когда он, вбежав в мою комнату, показывал мне напечатанными свои стихи... – пишет А. Богданович. – Понятна эта радость. Тут не только говорило самолюбие, столь свойственное молодости, видеть свое имя в печати, но и нечто большее: сознание, что подготовительные труды были не беспредельны, что он, оторванный от родины, заговорил о своих чувствах ее языком, хотя бы и не совсем чистым, пусть даже картавым, но это дело все исправляющего времени, а пока есть куда притулиться и дать исход накопившимся чувствам и смутным мечтам о далекой таинственной родине: гукнуть издали – и услышать созвучный отклик...»

Все эти факты и другие эпизоды из биографии белорусского классика воспринимались как-то по-особенному в музее-квартире М. Горького, куда в итоге и привел нас Максим Барахович. Это, пожалуй, единственное место в городе, которое помнит Максима Богдановича, не считая здания бывшей гимназии, где сейчас располагаются факультеты Нижегородского педуниверситета. Ведь большое впечатление оказал на юного поэта

▲ Максим Барахович – внучатый племянник М. Богдановича

Публикация
стихотворения «Край мой
радзімы! Як выкляты
Богам» в «Нашай ніве».
1909 год

его тезка и друг отца Максим Горький, в то время уже популярный писатель и журналист. У него в квартире останавливались известные люди – Ф. Шляпин, Л. Толстой, Л. Андреев и др. Частыми гостями у Горького были и Богдановичи. Общение, пускай себе и опосредованное, со знаменитостями, конечно же, способствовало приобщению малолетнего Максима к миру литературы и искусства.

С Нижним Новгородом М. Богданович окончательно не порывает даже после переезда семьи, периодически навещает там родственников. Последний раз поэт посетил город своего детства в 1914 году, после чего написал рассказ «Шаман», где в уста главного героя вложил свое восхищение этими местами: «Хораша ў нас на Волзе! Шырыня-то, шырыня-то якая! Добра сказаў аб гэтым Горкі Аляксей Максімавіч. Глядзіш, кажа, на Волгу і не разумееш: ці яна табе ў грудзі плыве, ці сама з тваіх грудзей цячэ. Ды і краса ж тут! Здаецца, нідзе такой красы няма... Эх, ды што гаварыць: бачыць гэтае трэба, бачыць».

Мы, конечно же, согласились с поэтом и перед отъездом специально пришли еще раз полюбоваться волжским размахом. Да, и в самом деле, что об этом писать: «бачыць гэтае трэба»...

Отрадно, что имя Максима Богдановича сегодня в городе на Волге не забыто. На здании гимназии, где учился будущий поэт, установлена мемориальная доска, в 1991 году в его честь названа одна из новых улиц в нижегородском микрорайоне Верхние Печёры.

После расставания с гостеприимным Нижним Новгородом нас ждал Ярославль, еще один российский город, также расположенный на Волге и тесно связанный с жизнью и творчеством белорусского классика.

В Ярославле

В 1908 году Богдановичи покинули Нижний Новгород. Этому отъезду предшествовал ряд драматичных событий. Сначала от туберкулеза умирает старший сын Вадим. Примерно в то же вре-

мя на службе у главы семьи происходит конфликт с вышестоящим начальством. И тогда Адам Егорович просит о своем переводе в другой город, которым и стал Ярославль.

Так начался ярославский период в жизни шестнадцатилетнего Максима Богдановича. И, как отмечают литературоведы, он был особо благодатным. В этом городе юный поэт окончил мужскую гимназию, а затем и Демидовский юридический лицей. Здесь он написал свои первые лирические стихи «Над магілай», «Прыйдзе вясна», «На чужыне» и другие, которые были опубликованы в «Нашай ніве» в 1909 году.

Известный белорусский публицист, историк и писатель Вацлав Ластовский, работавший в редакции газеты, оставил интересные воспоминания о том, как готовились первые стихи поэта в печать: «Максім Багдановіч прыслаў некалькі лісцікаў сваіх вершаў, падпісаных поўным уласным прозвішчам і імем. Вершы для кожнага нумару «Нашай нівы» падбіраў Янка Купала... Павіннасцю Я. Купалы было папраўляць іх перад здачай у друк. Друкавалі ж адзін-два вершы кожнага новага «паэта», каб заахваціць яго да пісання. Былі ці не былі зроблены якія праўкі ў вершах «Над магілай» і «Прыйдзе вясна», я не памятаю... але гэта былі адны з першых вершаў, і надрукаваны пад праўдзівым прозвішчам і імем аўтара».

Первые публикации окрылили М. Богдановича, и он стал регулярно отсылать в «Нашу ніву» свои новые стихи, которые, надо заметить, редакция с удовольствием печатала практически в каждом номере. И это не удивительно – произведения начинающего поэта полностью соответствовали редакционной политике газеты. Так, в стихотворении «Краю мой родны! Як выкляты Богам...» четко прослеживались тема социального угнетения и идея национального возрождения белорусов, а в небольшом стихотворном произведении «3 песень беларускага мужыка» звучали и лирика, и реалистичная импрессия, и вера в творческие силы белорусского народа...

КСТАТИ

Первая и единственная прижизненная книга поэзии М. Богдановича «Вянок» была издана тиражом в 2 тыс. экземпляров. Сегодня точно неизвестно, сколько из них сохранилось. В год 120-летия со дня рождения поэта в СМИ сообщалось, что найдено всего 24 единицы.

Правда, не все «нашаніўцы» были в восторге от стихов молодого автора. Как следует из воспоминаний того же В. Ластовского, «на пачатку траўня месяца, таго ж года (1909. – С.Г.), Максім Багдановіч ізноў прыслаў у «Нашу ніву» маленькі сшытачак новых сваіх твораў. Нябожчык Ядвігін (писатель и общественный деятель Ядвигин Ш. – С.Г.) ахрысціў гэты сшытачак «дэкадэнтчынай», и тетрадка редактором газеты А. Власовым была списана в архив. Но Я. Купала «інтуітыўна вычуў у гэтых першых паэтыцкіх спробах у Максіме Багдановічы сапраўднага мастака», после чего «спамянуты сшытак вярнуўся да перагляду» и «декадентские» стихи пошли в печать.

Окончив в 1911 году Ярославскую гимназию, М. Богданович едет в Вильну, город, где в то время концентрировалась белорусская интеллигенция и где начинается национальное возрождение нашего народа. Там в частном музее братьев Луцкевичей он знакомится с коллекциями древних национальных раритетов и под их впечатлением пишет стихотворение «Слуцкія ткачыкі». В нем поэт рассказывает печальную историю крепостных ткачих, поэтизируя их мастерство «ткаць залатыя паясы», в которые они вплетают «заміж персідскага узора» белорусские мотивы – «цвяток радзімы васілька». Единственное, в чем ошибся М. Богданович: на радзивиловских ткацких мануфактурах, так называемых «персіярнях», за станками работали мужчины. Но об этом поэт, выросший на берегах Волги, знать, естественно, не мог.

Еще перед поездкой в Вильну у Максима состоялся серьезный разговор с отцом относительно его дальнейшей судьбы. «Он заявил мне, что хочет поступать в Петербургский университет на филологический факультет, – писал Адам Егорович. – Дело было ясно: к словесности он имел наибольшую склонность... Я, конечно, знал, что к этой сфере знания он стремился всей душой, но был вынужден решительно не согласиться на этот проект. Я не считал возможным при состоянии его здоровья отпустить его в Петербург, в город со скверным климатом

▲ Здание Музея Максима Богдановича в Ярославле

и с затхлыми комнатами, не считал возможным обречь его на скверное питание в студенческих столовых или сухоядение и вообще считал необходимым иметь надзор за состоянием его здоровья и в моменты обострения болезни (Максим уже тогда болел туберкулезом. – С.Г.) принимать решительные меры... Он горячо возражал: прокурором быть не хочу, адвокатом не хочу, судьей не хочу, хочу быть литератором или ученым. Но доводы против были настолько серьезны, что я не мог разрешить ему поездку в Петербург, и тем самым факультет был для него предрешен: он, хотя не хотел, был вынужден поступить в Ярославский юридический лицей, куда и подал заявление по выходе из гимназии. Лицей он посещал довольно аккуратно, зачеты сдавал на «весьма», но лекции слушал нечасто: больше занимался в обширной лицейской библиотеке...»

По словам отца, в то время «жизнь он вел сиротскую, тихую, сосредоточенную на науке и литературной деятельности. Да и могло ли быть иначе? Он ясно сознавал слабость своего здоровья, которого было недостаточно даже для той напряженной научной и особенно литературной работы, которую он вел... С тем же упорством он относился и к изучению белорусского языка, и к писанию стихов на нем. Если принять в соображение состояние его здоровья, необходимость ученья и все обстоятельства его жизни, то нельзя не

КСТАТИ

Архив М. Богдановича после смерти поэта хранился у его отца Адама Егоровича, оставшегося в Ярославле. Чтобы сохранить рукописи сына, он убрал их в сундук, который отнес в погреб и спрятал под лед. Во время подавления большевиками Ярославского восстания в 1918 году дом Богдановичей на Сенной площади был сожжен, лед растаял, сундук обгорел, в него проникла вода. После Адам Богданович просушил и разгладил пострадавшие, но все же сохранившиеся рукописи. Когда в 1920-х годах творческим наследием М. Богдановича заинтересовался Институт белорусской культуры, отец передал их приехавшему из Минска сотруднику института. Они стали основой для последующих изданий сборников поэта.

признать его работу в этой сфере огромной. И нельзя не считать этого предприятия даже дерзким. Ведь не пошел же он по линии наименьшего сопротивления: не стал писать по-русски. Его переводы своих же стихов свидетельствуют, что он и по-русски мог бы писать недурные стихи. Но он этот легкий путь еще в детстве отверг и смело решил преодолеть огромные трудности, чтобы овладеть родной речью своих предков и овладеть настолько, чтобы писать красивые стихи и обогатить эту речь новыми художественными формами. К последней цели он стремился вполне сознательно. Ему хотелось показать, что никакой размер, никакая форма не чужды белорусской речи. Какие трудности он преодолел на этом пути, свидетельствуют его рукописи и тетради: сколько там выписок из словарей, сборников и старопечатных книг! Какой из поэтов, всосавших белорусскую речь с молоком матери, поднимал этот тяжелый, кропотливый, крохоборческий труд? А он, слабогрудый, хилый, поднял. И нес его терпеливо, упорно».

В Ярославле молодой поэт встретил и свою музу – Анну Кокуеву. Многие романтические стихи, посвященные ей, до сих пор являются вершиной любовной лирики в белорусской поэзии. Именно в этом городе М. Богданович подготовил к печати свой первый и единственный прижизненный поэтический сборник «Вянок». Кроме поэтического творчества, в Ярославле М. Богданович активно занимался журналистикой, сотрудничал с местной газетой «Голос» и рядом других изданий. В 1915 году он поддерживал тесную связь с Ярославской белорусской радой, объединявшей белорусов – беженцев Первой мировой войны, оказывал землякам всяческую помощь. В том же году он заразился тифом, но, к счастью, выздоровел. Через год из Ярославля поэт переехал в родную Беларусь, в Минске устроился на работу в губернском продовольственном комитете и в Белорусском комитете помощи жертвам войны. Но неизлечимый туберкулез не давал забыть об ужасной и неминуемой развязке. Принимая все это, Максим трудился не по-

кладая рук. В 1917 году на собранные друзьями средства он поехал поправить свое физическое состояние в Ялту. Это была его последняя весна: 25 мая того же года поэта не стало. Последними творческими хлопотами 25-летнего Максима Богдановича было составление букваря...

Все эти перипетии жизни и творчества поэта очень подробно отражены в экспозиции Музея Максима Богдановича – единственного музейного учреждения литературного профиля в Ярославле. Открыт он был в 1991 году в небольшом деревянном доме по улице Чайковского, 21, в котором с 1912 по 1914 год жила семья Богдановичей. Заведующая Наталья Прохорова после небольшой экскурсии вводит нас в курс того, как создавался музей:

– История интересная: в 1970–1980-е годы деревянные постройки в Ярославле начали сносить. Такая же участь ожидала и улицу Чайковского. Но неравнодушные ярославцы вовремя вмешались и потребовали оставить здание, где когда-то жил поэт. Городские власти прислушались к мнению общественности и сохранили дом. Правда, при этом пришлось пойти на некоторый компромисс – здание перенесли на другую сторону улицы и «прописали» среди современных многоэтажек.

Сбор музейной экспозиции проводился, говоря по-белорусски, талакой. Что-то из экспонатов принесли горожане – куфар (сундук), в котором Максим хранил одежду и книги, и бархатную обеденную скатерть семьи Богдановичей. В свое время нам передали экспонаты Владимир Мулявин – руководитель вокально-инструментального ансамбля «Песняры», петербуржец Николай Лилеев – сын музы поэта Анны Кокуевой, а также потомки друзей Максима Богдановича из разных городов России. Есть подарок и от Президента Беларуси А.Г. Лукашенко – бронзовый бюст поэта. Но основная масса материалов поступила из фондов Литературного музея М. Богдановича в Минске, за что мы очень благодарны. Совместными усилиями создана интересная экспозиция, рассказывающая о жизни и творчестве Максима Богдановича и

▲▼ Экспозиция ярославского музея поэта

членов его семьи. Она небольшая, дом площадью всего 81 квадратный метр, но уже с первых дней сюда стали приходить ярославские белорусы, чтобы побывать, как они говорили, «на кавалачку роднай зямлі»...

Поделилась Н. Прохорова и последней радостной для сотрудников музея новостью: недавно во временное пользование музея для публичной демонстрации был передан ранее неизвестный автограф М. Богдановича. Нашли его исследователи в архиве библиотеки Ярославского государственного педагогического университета. Обнаруженный автограф-раритет выведен рукой поэта на пробном оттиске его статьи «Белорусское возрождение» в журнале «Украинская жизнь» за 1915 год, и посвящался он Николаю Дружинину, издателю ярославской газеты «Голос», с которой активно сотрудничал автор поэтического сборника «Вянок».

В 1995 году на базе Музея Максима Богдановича был создан Центр белорусской культуры Ярославля. И это неспроста – в городе, а также в Ярославской области проживает около 13 тысяч белорусов. Для них сотрудники разработали целый комплекс программ по белорусской культуре, истории, языку, народным традициям. По словам Н. Прохоровой, большой интерес проявляют дети. Кстати, не только наших соотечественников, но и других национальностей. Раз в два года, например, проводится конкурс чтецов стихов М. Богдановича. В свое время начиналось с участия в нем 43 человек, а в прошлом году уже было более 100 декламаторов. Проходят здесь и тематические интерактивные программы «Асаблівасці беларускай нацыянальнай кухні», «Дажынкi», «Каляды», мастер-классы по белорусским народным промыслам. Музей ведет активную просветительскую и научно-исследовательскую работу. В его стенах комплектуется библиотека славянской литературы, собраны аудиотека белорусской музыки, этнографическая и бытовая коллекции. На базе музея проводит свои мероприятия ярославская региональная общественная организация русско-белорусской друж-

бы «Сяброўства». Есть здесь и небольшая экспозиция, посвященная сотрудничеству Ярославской области и Беларуси.

Память о Максиме Богдановиче в Ярославле увековечена достойно. В городе именем белорусского классика названа улица, в 1994 году у здания главного корпуса Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова, где в начале XX века располагалась Ярославская губернская мужская гимназия, установлен бронзовый памятник поэту (уменьшенная копия минского) авторства известного белорусского скульптора Сергея Вакара.

***

Вернувшись домой с внушительным багажом впечатлений о волжском периоде жизни Максима Богдановича, мы решили посетить его Литературный музей в Минске. И там уже по-новому открыли для себя талант этого гениального поэта, ставшего национальным классиком.

У нас в стране есть еще два музея Максима Богдановича: в Гродно и в Ракутёвщине (около деревни Красное под Молодечно). Обязательно нужно съездить и туда...

Сергей ГОЛОВКО
Минск – Нижний Новгород –
Ярославль – Минск
Фото автора

▲ Во время экскурсии в Музее Максима Богдановича в Ярославле

КСТАТИ

В Свердловской области России есть город Богданович. Но к белорусскому классику его название не имеет отношения. Он назван в честь однофамильца поэта – чиновника по особым поручениям при министре внутренних дел России полковника Евгения Богдановича, который в конце 1860-х годов убедил российского царя продолжить строительство железной дороги до Екатеринбург и далее до Тюмени.